

СВЕТЛАНА ШИВАРШИНА*

КОГДА НАУКА БЕРЕТСЯ В «СООБЩНИКИ»**

Получено: 02.09.2021. Рецензировано: 04.11.2021. Принято: 25.11.2021.

Аннотация: В статье предпринимается попытка осмысления проблемы связи науки и политики, а также использования различными акторами научного знания для продвижения собственных политических, идеологических и пр. повесток. Рассматривается ряд понятий, появившихся в контексте усложнения различных сфер жизни и, соответственно, необходимости нового описания и организации науки. С этим связаны новые форматы взаимоотношений между наукой и обществом, возникающие в ответ на изменяющийся научный, социальный и пр. контекст. Подчеркивается, что в результате научная деятельность становится более чувствительной к социальным нуждам, но одновременно и более подверженной различным социальным, политическим и другим влияниям. В качестве примера рассматривается ситуация того, как социальные активисты используют научное знание и публичную научную коммуникацию для продвижения своих идеологических позиций, влияющих на принятие политических и/или экономических решений и мотивации гражданских действий. Отмечается множественность акторов, участвующих в оценке научных открытий и формировании научно-политической повестки. Дается оценка важности учета политического контекста взаимоотношений между наукой и обществом в моделях научной коммуникации. В заключении проблематизируется возможность концептуализации коллективной политической субъектности науки без более подробного обсуждения роли ненаучных акторов в данном вопросе.

Ключевые слова: постнормальная наука, наука «Mode 2», публичная научная коммуникация, наука и политика, политическая субъектность науки, ненаучные акторы, медиатизация науки.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-34-43.

В. Н. Порус и В. А. Бажанов обсуждают перспективы достижения уровня политической субъектности науки в контексте феномена «постнормальности». Эти вопросы, безусловно, касаются также особенностей взаимоотношений между наукой и обществом, роли экспертного знания и его носителей в функционировании государства и других аспектов

*Шибаршина Светлана Викторовна, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), svet.shib@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6741-8909.

**© Шибаршина, С. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

политической жизни, на что и хотелось бы обратить внимание в данной статье.

Усложнение социальной, политической, экономической, научной, технологической, культурной и других сфер жизни порождает много новых понятий и концепций — одним из них является понятие *постнормальной науки*, связанное с муссируемой в исследовательской литературе необходимостью нового описания и новой организации науки. Подход С. Фунтовича и Дж. Раветца, выдвигающий идею «постнормальности», апеллирует в том числе к необходимости участия общественности, обсуждения проблем, связанных с наукой и технологиями, в различных контекстах и с различных точек зрения (Funtowicz & Ravetz, 1992).

Другой подход (Х. Новотны, П. Скотта и М. Гиббонса) продвигает идею науки «второго способа» производства научных знаний (Mode 2), учитывающей рост разнообразия мест производства знания (к традиционным научным центрам добавляются новые организационные формы в виде «народной» науки), новые формы контроля качества научных знаний, которые должны учитывать социальные, культурные, экологические и др. критерии (Nowotny, Scott & Gibbons, 2001), и пр. В Mode 2 контроль ценностных установок научного исследования реализуется не только со стороны внутринаучных механизмов (вроде мертоновского этоса науки), но и через экстранаучные механизмы с участием общественности (Киященко, 2015: 111). Разнообразие мест производства и оценки научно-экспертного знания предполагает также более существенную роль новых информационных и коммуникационных технологий, позволяющих создавать всевозможные объединения и сообщества. Это способствует как более активному включению общественности в процессы производства и оценки новых научных разработок и связанных с ними социально-политических решений, так и росту недоверия к исключительному авторитету научной экспертизы.

Ситуация постановки под сомнение эпистемического авторитета науки как уникальной формы знания порождается также тем, что она все чаще рассматривается в перспективе своих связей с экономическими, политическими, идеологическими и прочими аспектами. Теперь ученым приходится прилагать усилия, чтобы их авторитет позволял им весомо высказываться по тем или иным вопросам. Часть общественности начинает считать знание само собой разумеющимся ресурсом, к которому должен быть открытый доступ и который каждый может оценивать и применять в меру личного разумения. К потере высокого эпистемического статуса ученых, очевидно, имеет отношение глобально

распространяемая демократическая модель участия различных социальных групп, в том числе в вопросах научной политики. В рамках данной модели публика не может принимать как должное непререкаемость авторитета научно-экспертных сообществ. Обычные граждане все чаще приходят ко мнению о том, что они «имеют право на собственное мнение по всем вопросам», на «эпистемическое равенство» (Kitcher, 2011: 20). В результате научная деятельность становится, с одной стороны, более чувствительной к социальным нуждам, с другой же — более подверженной различным социальным, политическим и другим влияниям.

Исходя из общего контекста статьи В. Н. Поруса и В. А. Бажанова, можно, очевидно, сделать вывод о том, что подлинная политическая субъектность науки неразрывно связана с совершенствованием именно демократического и гражданского общества. Вместе с тем они упоминают, что демократизация отнюдь

не гарантирует от небескорыстного воздействия на принятие решений учеными со стороны различных политических сил, группировок и социальных структур, причастных к политике (Порус и Бажанов, 2021).

На наш взгляд, в рамках функционирования науки в открытом обществе проблема влияния усложняется, а ряд вопросов заостряется по сравнению с функционированием науки в более закрытых обществах, что связано с большим разнообразием участвующих групп и с большей свободой их действий. Это не означает, однако, что мы в целом оспариваем вышеупомянутый тезис — мы лишь хотим показать, что концептуализация политической субъектности науки требует учета определенных моментов. Собственно, на этом мы и сосредоточимся в данной статье, предлагая описание и оценку того, как различные акторы берут науку в «сообщники» для продвижения своих политических, идеологических и прочих повесток.

В частности, различные социальные активисты стратегически используют научное знание и публичную научную коммуникацию для продвижения своих идеологических позиций, влияния на принятие политических и /или экономических решений и мотивации гражданских действий. Яркий пример — шведская экологическая активистка Грета Тунберг, ставшая одним из наиболее известных пропагандистов неотлагательных решений, связанных с опасными тенденциями в изменении климата. По сути, активисты не просто информируют публику о важности социальных, экологических и пр. проблем, убеждают ее в этом, предлагают те или иные подходы и решения, но и «конструируют» эти

проблемы (Fähnrich, Riedlinger & Weitkamp, 2020: 2). Другими словами, «проблемы становятся проблемами только тогда, когда кто-то указывает на угрозу важным ценностям, которым общество следует» (Сох, 2013: 24). При этом в плюралистическом обществе активисты представляют лишь одну из точек зрения и конкурируют с другими агентами за общественное внимание и суверенитет над проблемами и мнениями (Fähnrich, Riedlinger & Weitkamp, 2020: 2). И в этой борьбе научно информированная экспертиза используется как социальная «валюта» (Fähnrich, 2018: 8) — мощный инструмент, своего рода социальная технология, формирующая доверие, — а наука как бы берется в «сообщники». Нередко, однако, активисты выступают против научно-технологических разработок, таких как геновая инженерия, ядерные исследования, нанотехнологии и пр., что вновь возвращает нас к множественности конкурирующих точек зрения.

Научные дебаты в современных обществах часто стирают границы между обсуждаемыми научными разработками и политическими, моральными и правовыми последствиями их применения в обществе (Scheufele, 2014: 13585). Факторы, способствующие размытию границ между наукой и политикой, разнообразны. Во-первых, ученые долгое время играли консультативную роль в различных политических структурах и организациях, влияя на политику и нормативно-правовую базу определенных решений в качестве членов консультативных комиссий и экспертов (Jasanoff, 1990; Scheufele, 2014: 13585). Во-вторых, важность общественной поддержки содействовала «медиатизации» науки (Weingart, 1998): последняя, наряду с другими претендентами на «сердце» публики, осознав растущее влияние средств массовой информации на людские умы, стала все больше ориентироваться на медиа и медийный формат представления научного знания, нередко опираясь в этом на авторитет ученых-знаменитостей и ученых — публичных интеллектуалов. Существенное значение в медиатизации науки и ученых имеет и поп-культура. Исследования 1950–1970-х гг. выявили распространенность негативных образов ученых в восприятии подростков (см. напр.: Mead & Métraux, 1957), и в этом важную роль сыграла поп-культура, причем во многом телевидение (см. напр.: Schibeci, 1986; Esch, 2014)¹: в фильмах и сериалах активно используются определенные стереотипы ученых.

¹К слову, осознание важности поп-культуры в плане влияния на общественное сознание заставило обратиться к проблеме создания положительного образа науки. К примеру, стало появляться все больше телесериалов, повествующих о повседневности жизни и ра-

Продолжая разговор о факторах, размывающих границы между наукой и политикой, отметим, что к ним относится и сама природа современной науки с ее ориентацией на междисциплинарность и трансдисциплинарность, порождающей все больше дебатов по поводу этических, моральных, правовых, социальных, экологических, политических и пр. последствий внедрения новых технологий. В результате, как отмечает американский социолог Д. А. Шойфеле, «современная публичная научная коммуникация по своей сути является политической» (Scheufele, 2014: 13586). Политической в том смысле, что в обсуждении научных открытий и их последствий принимают участие различные политические и социальные группы, затрагивающие и такие вопросы, как права граждан, безопасность и конфиденциальность личных данных, равный доступ к медицинским процедурам и препаратам, к новейшим технологиям и разработкам вне зависимости от национальных, социально-экономических и других факторов.

При этом сама концепция вовлечения общественности в обсуждение, оценку и решение проблем, связанных с наукой и технологиями, лежащая в основе различных моделей участия в рамках публичной научной коммуникации (имеется в виду наука «Mode 2»), проникнута очевидным политическим аспектом. Ученые, политики и общественные деятели являются в плюралистическом обществе лишь частью множественных голосов в дебатах о научных открытиях и их применении. Собственно, это замечание коррелирует с тезисом о том, что ни в одном из смыслов политической субъектности науки

наука не участвует в политике независимым образом в качестве самостоятельного актора, действующего в одной плоскости и наравне с другими политическими акторами (Порус и Бажанов, 2021).

Ученым приходится учитывать важность поддержки со стороны политических и коммерческих структур или же противостоять навязываемым решениям, равно как и лавировать между различными акторами, чей голос существует или может оказаться таковым в вопросах научной политики, производства, оценки и внедрения научного знания.

Говоря о политическом аспекте в отношениях между наукой и обществом, приходится учитывать и то, как он раскрывается или должен раскрываться в моделях научной коммуникации. Как полагает

боты ученых и различных специалистов, в частности медиков и криминологов (Esch, 2014).

Д. А. Шойфеле, модели, описывающие взаимодействия между наукой и общественностью как происходящие в социополитическом вакууме, остаются искусственными. Дело в том, что они не учитывают более широкий политический контекст, в котором происходят подобные взаимодействия, и, следовательно, недостаточно обнажают политические вопросы участия в коммуникации различных групп влияния. В качестве примера Д. А. Шойфеле приводит следующие вопросы: каким образом те или иные проблемы представляются публике; как различные заинтересованные стороны борются за внимание в политической сфере; как граждане взаимодействуют с (часто противоречивыми) потоками информации, с которыми они сталкиваются (Scheufele, 2014: 13587).

На самом деле его замечание в определенном смысле уместно и существенно. В частности, весьма неоднозначна проблема лоббирования различных интересов в процессе формирования научно-технической политики и принятия различных политических решений, касающихся разработки определенных научных областей. Один вопрос об обязательной вакцинации чего стоит! Неслучайно обсуждение данной проблемы не избежало влияния гипотезы о давлении со стороны «Биг Фармы» и иных аналогичных групп компаний.

Выбор определенной научной повестки для продвижения в массмедиа также представляется неоднозначным: конструирование повестки дня оказывается связанным не просто с рутинным выбором новостей и тем, но и с определенными стратегическими усилиями многих заинтересованных сторон, конкурирующих друг с другом за доступ к информационным ресурсам. Примечателен в данном отношении кейс, в котором авторы, используя данные контент-анализа статей о стволовых клетках, появившихся в период с 1975 по 2001 год в *New York Times* и *Washington Post*, анализируют закономерности освещения этой темы в СМИ и особенности ее представления в процессе того, как сама научная проблема обсуждалась в научном сообществе, а затем стала повесткой научной политики (Nisbet, Brossard & Kroepsch, 2003). Рост попыток внедрения данной разработки в политическую повестку совпал с ростом освещения темы стволовых клеток в СМИ. Подобные исследования дают повод поставить резонные вопросы перед публичной научной коммуникацией: как формируется актуальная повестка в этой области; насколько финансово, политически и идеологически оказываются независимыми научные коммуникаторы и журналисты при освещении и оценке той или иной проблемы? Подобная связь между научной политикой, научной коммуникацией и интересами определенных ангажированных

групп, вроде «Биг Фармы», опять же размывает фундамент доверия общественности к научной экспертизе и способствует формированию альтернативных сообществ, претендующих на собственную оценку научной и общественной повестки.

Подытоживая, хотелось бы отметить следующие моменты.

Постнормальная наука и связанные с ней явления «гражданской» науки, «сетевой» науки, различных движений «популярной науки», «популярного понимания науки» и т. п., невзирая на заявляемые их сторонниками преимущества, ставят перед наукой и обществом ряд вызовов. Об этом, собственно, упоминают В. Н. Порус и В. А. Бажанов, говоря о растворении знания в общем мнении и демагогизации переговорных процессов между наукой и общественностью. С одной стороны, более широкое и активное вовлечение разных социальных групп в производство и оценку научного знания и технологий повышает значимость науки и научной деятельности как социально-политической силы. Обычные граждане, «люди с улицы», приобщаясь в тех или иных гибридных формах (например, посещая научные фестивали, центры науки и технологий и т. п.) к научной деятельности, пусть и на уровне поверхностного знакомства с ней, как бы подталкиваются к большему доверию к науке. В определенных случаях они могут влиять на то, будет ли реализован тот или иной научно-технический проект, связанный с экологическими, социальными и др. последствиями. С другой же — необходимость учитывать различные мнения по научной проблеме может быть сопряжена с рисками, которые возрастают с ростом числа и разнообразия вовлекаемых групп.

Постнормальная наука возникла в контексте очевидного усложнения различных сфер жизни. Неизбежно приходится говорить о множественности, неоднородности и противоречивости точек зрения, интересов и субъектов, участвующих в различных повестках дня. Применительно же к проблеме политической субъектности науки это порождает ряд вопросов. Научные и экспертные сообщества неоднородны, в определенном смысле они также разобщены, действуют исходя из их собственных интересов, предубеждений, явных и неявных, конкурируют между собой. Насколько возможна коллективная политическая субъектность науки в данном контексте? Показательной иллюстрацией может стать неоднородная реакция медицинского экспертного сообщества на пандемию коронавируса и необходимость обязательной вакцинации.

Кроме того, как говорилось выше, в современном мире научные и экспертные сообщества являются лишь одними из множества социальных

групп, участвующих в научно-технологической повестке. В контексте неоднородности акторов, желающих и способных влиять на политические решения в области науки и технологий, неизбежно возникает вопрос о том, должна ли концептуализация проблемы политической субъектности науки учитывать также ненаучных акторов и, если да, то в какой степени? Одним из вариантов решения данного вопроса может стать сциентократический формат управления обществом, реализованный в таких научных утопиях, как «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, и таких техноутопиях, как, например, «Пари трансгуманистов» З. Иштвана: проблема неоднородной коллективной субъектности здесь если не отпадает, то успешно подавляется. Однако на самом деле подобные проекты вполне обоснованно можно рассматривать и как антиутопии. В отношении же современных демократических обществ идея коллективной политической субъектности науки, очевидно, подразумевает гораздо более сложную модель взаимодействия между наукой и обществом, учитывающую в том числе ситуацию растущего недоверия к научно-экспертному знанию. Безусловно, В. Н. Порус и В. А. Бажанов касаются вопросов подобного взаимодействия, и все же, как представляется, поставленная ими проблема политической субъектности науки подразумевает более подробное обсуждение роли ненаучных акторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кляшценко Л. П.* Философия трансдисциплинарности : подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке : подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. А. Бажанова, Р. Шольца. — М. : Навигатор, 2015. — С. 109–135.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 4.
- Cox R.* Environmental Communication and the Public Sphere. — London : SAGE, 2013.
- Esch M.* Make Science into a TV Series / Viewpoint Media Policy. — 2014. — (Visited on Feb. 10, 2020).
- Fähnrich B.* Digging Deeper? Muddling Through? How Environmental Activists Make Sense and Use of Science — an Exploratory Study // Journal of Science Comm. — 2018. — Vol. 17, no. 3.
- Fähnrich B., Riedlinger M., Weitkamp E.* Activists as “Alternative” Science Communicators — Exploring the Facets of Science Communication in Societal Contexts // Journal of Science Communication. — 2020. — Vol. 19, no. 6.

- Funtowicz S. O., Ravetz J. R.* Three Types of Risk Assessment and the Emergence of Post-Normal Science // *Social Theories of Risk* / ed. by D. Krimsky, D. Golding. — Westport : Praeger, 1992. — P. 251–274.
- Jasanoff S.* The Fifth Branch : Science Advisers as Policymakers. — Cambridge : Harvard University Press, 1990.
- Kitcher P.* Science in a Democratic Society. — Amherst, New York : Prometheus Books, 2011.
- Mead M., Métraux R.* Image of the Scientist among High-school Students : A Pilot Study // *Science*. — 1957. — Vol. 126, no. 3270. — P. 384–390.
- Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A.* Framing Science : The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics // *Harvard International Journal of Press/Politics*. — 2003. — Vol. 8, no. 2. — P. 36–70.
- Nowotny H., Scott P., Gibbons M.* Re-thinking Science : Knowledge Production in an Age of Uncertainty. — Cambridge : Polity Press, 2001.
- Scheufele D. A.* Science Communication as Political Communication // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. — 2014. — Vol. 111. — P. 13585–13592.
- Schibeci R. A.* Images of Science and Scientists and Science Education // *Science Education*. — 1986. — Vol. 79, no. 2. — P. 139–149.
- Weingart P.* Science and the Media // *Res Policy*. — 1998. — Vol. 27, no. 8. — P. 869–879.

Shibarshina, S. V. 2021. “Kogda nauka берет-sya v ‘soobshchniki’ [When Science Is Made an ‘Accomplice’]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4), 34–43.

SVETLANA SHIBARSHINA
 PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER
 RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);
 ORCID: 0000-0002-6741-8909

WHEN SCIENCE IS MADE AN “ACCOMPLICE”

Submitted: Sept. 02, 2021. **Reviewed:** Nov. 04, 2021. **Accepted:** Nov. 25, 2021.

Abstract: The article attempts to comprehend the relationship between science and politics and the use of scientific knowledge by various actors to promote their own political, ideological and other agendas. The author considers a few concepts that have resulted from the complication of various spheres of life and, accordingly, from the need for a new description and organization of science. These issues are also associated with new formats of relationships between science and society encouraged by the changing scientific, social and other contexts. The author notes that as a result, scientific activity becomes more sensitive to social needs, yet also more susceptible to various social, political and other influences. This situation is illustrated with the ways in which social activists employ scientific knowledge and public

science communication to advance their ideological positions, influence political and/or economic decisions and motivate civic action. The author points out the multiplicity of actors engaged in the assessment of scientific discoveries and the formation of the scientific and political agenda. The article assesses the importance of taking into account the political context of the relationship between science and society in the models of science communication. In conclusion, the author questions the possibility of conceptualizing collective political agency of science without a thorough discussion of how it engages the role of non-scientific actors.

Keywords: Post-Normal Science, “Mode 2” Science, Public Science Communication, Science and Politics, Political Agency of Science, Non-Scientific Actors, Mediatization of Science.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-34-43.

REFERENCES

- Cox, R. 2013. *Environmental Communication and the Public Sphere*. London: SAGE.
- Esch, M. 2014. “Make Science into a TV Series.” Viewpoint Media Policy. Accessed Feb. 10, 2020.
- Fährnich, B. 2018. “Digging Deeper? Muddling Through? How Environmental Activists Make Sense and Use of Science — an Exploratory Study.” *Journal of Science Comm.* 17 (3).
- Fährnich, B., M. Riedlinger, and E. Weitkamp. 2020. “Activists as ‘Alternative’ Science Communicators — Exploring the Facets of Science Communication in Societal Contexts.” *Journal of Science Communication* 19 (6).
- Funtowicz, S. O., and J. R. Ravetz. 1992. “Three Types of Risk Assessment and the Emergence of Post-Normal Science.” In *Social Theories of Risk*, ed. by D. Krimsky and D. Golding, 251–274. Westport: Praeger.
- Jasanoff, S. 1990. *The Fifth Branch: Science Advisers as Policymakers*. Cambridge: Harvard University Press.
- Kitcher, P. 2011. *Science in a Democratic Society*. Amherst, New York: Prometheus Books.
- Kiyashchenko, L. P. 2015. “Filosofiya transdistsiplinarnosti [Philosophy of Transdisciplinarity]: podkhody k opredeleniyu [Approaches to the Definition]” [in Russian]. In *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke [Transdisciplinarity in Philosophy and Science] : podkhody, problemy, perspektivy [Approaches, Problems, Prospects]*, ed. by V. A. Bazhanov and R. Shol'ts, 109–135. Moskva [Moscow]: Navigator.
- Mead, M., and R. Métraux. 1957. “Image of the Scientist among High-school Students: A Pilot Study.” *Science* 126 (3270): 384–390.
- Nisbet, M. C., D. Brossard, and A. Kroepsch. 2003. “Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics.” *Harvard International Journal of Press/Politics* 8 (2): 36–70.
- Nowotny, H., R. Scott, and M. Gibbons. 2001. *Re-thinking Science: Knowledge Production in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2021. “Postnormal'naya nauka [Post-Normal Science]: mezhdustsilloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4).
- Scheufele, D. A. 2014. “Science Communication as Political Communication.” *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 111:13585–13592.
- Schibeci, R. A. 1986. “Images of Science and Scientists and Science Education.” *Science Education* 79 (2): 139–149.
- Weingart, P. 1998. “Science and the Media.” *Res Policy* 27 (8): 869–879.